

М а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

Фактор страха

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 **Фактор страха / Чингиз Абдуллаев.** — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-699-98642-2

Три миллиона долларов — не иголка, без следа исчезнуть не могут. Он и есть этот след — убитые, обманутые люди. А после того, как погиб полковник Кочневский, следствие окончательно зашло в тупик. Политики и бандиты, бизнесмены и авантюристы, чекисты и киллеры сбились с ног, разыскивая злополучные миллионы. Но эксперт-аналитик Дронго умеет мыслить парадоксами. Он знает: длинная дорога — короче и не всякий мертв, кого похоронили...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98642-2

© Абдуллаев Ч.А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Ненависть — месть труса
за испытанный им страх.

Бернард Шоу

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Тревожный телефонный звонок ворвался в тишину квартиры. Он поднялся, покосился на жену и, пройдя в другую комнату, снял трубку.

— Здравствуй. — Он сразу узнал голос и невольно поежился, поняв, почему звонок раздался точно в половине третьего ночи.

— Что-нибудь случилось? — спросил шепотом.

— Случилось, — сообщил позвонивший, — они нашли Труфилова. Завтра он будет в Москве. Даст показания против тебя.

— Не может этого быть, — растерянно сказал он, — я послал лучших людей. Они не могли...

— Ничего не вышло, — перебил позвонивший, — у тебя осталось два часа времени. Если можешь, уходи. Или спрячься так, чтобы тебя не нашли.

— Куда уходить? Где прятаться? — тяжело дыша, проговорил он. — У меня жена, дети, внуки. Меня все равно найдут.

— Тогда сам знаешь, что делать. И не тани, полковник. Утром может быть поздно. За ошибки надо платить, сам понимаешь.

— Понимаю, — сказал он с ненавистью, — все понимаю. Спасибо, что позвонил.

Последняя фраза прозвучала с явным сарказмом. Звонившему важно было предупредить полковника,

чтобы в первую очередь спастись самому. И полковник презрительно бросил:

— Не беспокойся, я знаю, что делать.

— Тогда все. Прощай. — Звонивший отключил связь.

Полковник медленно положил трубку и опустился на стул, глядя прямо перед собой. Все кончено. Необходимо принять решение. Он взглянул на часы. Если все пройдет нормально, у него в запасе часа два или три. Значит, успеет. Обязан успеть. Полковник не привык долго думать и стал собираться. Быстро оделся, вошел в кабинет, положил в портфель важные документы, две пачки долларов отнес в спальню и оставил на комод. Затем подошел к жене, тихонько, чтобы не разбудить, поцеловал. Но она проснулась.

— Ты что? Куда собрался?

— Дела у меня, — через силу улыбнулся полковник, — надо съездить на дачу.

— Какую дачу? — не поняла она. — Три часа ночи.

— Я там бумаги важные оставил, — пояснил он, — не беспокойся. На даче и заночую. А утром поеду к стоматологу, зубы разболелись.

— Это так важно? — спросила она, снова засыпая.

— Очень важно. — Он посмотрел на нее, вышел из спальни, заглянул в детскую, долго смотрел на старшего внука. В комнату сына и невестки не зашел. В большой пятикомнатной квартире они с женой жили вместе с семьей сына.

Уже в прихожей, надевая плащ, вспомнил про пистолет, но в кабинет возвращаться не стал, отпер входную дверь и вышел из квартиры.

Через десять минут он уже сидел за рулем бежевой «Ауди».

Ровно через три часа на даче полковника Олега Кочиевского взорвался его автомобиль, стоявший рядом с домом, недалеко от ворот. Прибывшая следственная группа обнаружила в салоне три канистры с бензином. Труп полковника обгорел до неузнаваемости. Его удалось идентифицировать только по расплавленным часам, чудом уцелевшей, только оплавившейся расческе, обгоревшей обуви и золотой коронке, опознанной стоматологом погибшего. Похороны состоялись пышные и многолюдные. Покойный возглавлял службу безопасности крупнейшей нефтяной компании страны. Все говорили о нем как о достойном человеке и прекрасном товарище. Никто не мог понять, что именно он делал в это роковое утро на даче и почему в его машине оказалось сразу три канистры с бензином. Впрочем, об этом почти не говорили. В конце концов, за городом всегда нужен бензин, пусть даже целых три канистры. А несчастные случаи бывают и на даче.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Москва. 10 мая

Его разбудил телефонный звонок, и он с досадой посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. Все знают, что до одиннадцати-двенадцати он спит и тревожить его нельзя. Дронго нахмурился и повернулся на другой бок. Сработал автоответчик, предлагавший звонившему оставить сообщение. Зная, что уже не уснет, Дронго прислушался:

— Говорит Всеволод Борисович. Извините, Дронго, что беспокою вас в неурочное время. Понимаю, что всю ночь вы работали и теперь отдыхаете. Но дело не терпит отлагательств. Мне необходимо переговорить с вами.

Прослушав сообщение, Дронго открыл глаза. Романенко человек деликатный и не станет звонить по пустякам. Но что могло случиться с самого утра? Он поднялся с кровати, прошел к телефону. Разболелся левый глаз. Он бросил взгляд в зеркало. Так и есть. После бессонной ночи всегда краснели глаза, в них лопались сосуды. Дронго по ночам читал книги, газеты, выискивая нужные материалы в системе Интернета, знакомясь с интересующими его аналитическими обзорами.

Больше всего он любил книги. Чтение в Интернете казалось ему механическим и неинтересным, если даже там появлялись издания, которых не было в его

библиотеке. А библиотека у Дронго была великолепная, множество книг он приобрел в девяностые годы, когда вышло в свет все, о чем только могли мечтать книжные «гурманы», он любил сам процесс общения с книгой, ее запах, хорошее полиграфическое исполнение, иллюстрации, часто знакомые с детства, например, Жана Гранвиля к «Робинзону Крузо» или «Приключениям Гулливера» или художника Брауна, вошедшего в мировую литературу под именем «Физа», к «Запискам Пиквикского клуба».

Но в последние годы на общение с книгами оставалось не так много времени, и порой он испытывал стыд оттого, что не может уделить им должного внимания. Чтение было для него не только эстетическим удовольствием. Во многих книгах, особенно в последнее время, он находил подтверждение своим мыслям, своим наблюдениям. Теперь, когда в его жизни появилась Джил, он делил свои привязанности между нею и любимыми книгами.

Он набрал нужный номер, и Романенко сразу снял трубку.

— Я ждал вашего звонка.

— Что-нибудь случилось с Труфиловым? — спросил Дронго с тяжелым вздохом. Несколько секунд Романенко молчал, ошеломленный его вопросом, потом выдавил:

— Откуда вы знаете?

— Я ничего не знаю. Просто спрашиваю. Вы говорили, что десятого Труфилов улетает в Берлин на заседание суда для дачи свидетельских показаний. Самолет Аэрофлота вылетает в Берлин в одиннадцать двадцать пять. Рейс сто одиннадцать. Такие данные я держу в голове. Вы позвонили в половине одиннад-

цатого, зная, что в это время я обычно сплю. Значит, случилось нечто непредвиденное. Для вас, человека, увлеченного своей работой, самое важное сейчас — это показания Труфилова и выдача вашему ведомству Евгения Чиряева. Что случилось, Всеволод Борисович?

— Иногда мне кажется, вы ясновидящий, — пораженный, сказал Романенко, — в ваших логических построениях есть нечто дьявольское. Вам никто этого не говорил?

— Говорили. И не единожды. Но чаще меня проклинали преступники, против которых я обращал подобную логику. Так что же произошло?

— Труфилова убили, — сообщил Романенко.

На этот раз умолк Дронго.

— Вы меня слышите? — спросил встревоженный Всеволод Борисович.

— Слышу, — мрачно ответил Дронго, — выходит, все наши усилия по доставке его в Москву пошли прахом.

— Ума не приложу, как это произошло. Труфилова застрелили прямо в аэропорту. В зале для официальных делегаций, где его охраняли два офицера ФСБ. Один из них, кстати, тоже убит. Второй сейчас дает показания.

— Понятно, — очень расстроенный, пробормотал Дронго, — вся наша работа коту под хвост.

— Что? — не понял Романенко.

— Ничего. Значит, теперь все сначала?

— Не знаю, — признался Романенко, — впрочем, я не намерен больше вас беспокоить. Просто хотел сообщить о случившемся. Мы и так перед вами в долгу за вашу апрельскую поездку. Мы не вправе оплачивать вам отели, в которых вы останавливались. У нас строгий лимит на расходование командировочных средств. Тем более мы не можем оплачивать услуги

частного эксперта, каковым вы являетесь. Извините, что все так произошло.

— Что вы намерены делать? — осведомился Дронго.

— Прежде всего постараюсь найти убийцу Труфилова и узнать, кто именно нас выдал. Двенадцатого надо быть в Берлине на заседании немецкого суда, рассматривающего нашу просьбу о выдаче арестованного Чиряева. Адвокаты, которых он нанял, не только не позволят выдать его нам, но постараются освободить от уголовного преследования, оправдав по всем статьям. Это будет нашим поражением, Дронго, но без Труфилова ничего нельзя доказать. Очень жаль, что так получилось.

— Нужно бороться, — упрямо сказал Дронго, — они не должны победить. Предъявите свидетельские показания Труфилова. Вы ведь наверняка их зафиксировали.

— Немецкий суд потребует предъявить им свидетеля, — возразил Романенко, — они не всегда доверяют нашим документам и показаниям наших свидетелей, полученным в Москве. На Западе считают, что у нас все еще применяются средневековые пытки для выбивания показаний, в том числе и свидетельских.

— В этом есть доля истины, — мягко заметил Дронго.

— Доля, может, и есть, — согласился Романенко, — но случаи эти исключительные, и по ним немедленно проводится служебное расследование. Вы же знаете, что в прокуратуре давно не прибегают к подобным методам. Иногда срываются офицеры милиции, но мы их за это строго наказываем. Впрочем, все это лирика. Спасибо вам, Дронго, за помощь.

— Вы позвонили только для того, чтобы сообщить мне о смерти Труфилова и поблагодарить за помощь? — резко спросил Дронго. — Или же думаете, что мне нравится проигрывать?

— Вы не проиграли, — возразил Романенко, — вы нашли Труфилова, то есть сделали все, что от вас требовалось. Не ваша вина, что мы не уберегли его от наемного убийцы...

— Я прямо сейчас еду к вам, — перебил его Дронго, — и хватит говорить о моих гонорах. Порядочные люди должны помогать друг другу. Вы можете оформить меня в вашу группу в качестве советника или эксперта. Высшее юридическое образование я имею. А деньги для меня не самое главное в жизни. Прежние гонорары не дадут умереть с голода. Так что не беспокойтесь. Итак, до скорого.

— В таком случае высылаю за вами машину, — сказал Романенко, — в аэропорту уже работают наши люди.

— Кто руководитель группы?

— Андрей Андреевич Соколов. Следователь по особо важным делам. Он уже там. Галина Сиренко тоже. Она все еще входит в мою бригаду. К нам прикомандировали нескольких офицеров милиции, если помните.

— Жду вас через пятнадцать минут, — бросил Дронго и добавил: — Если честно, вы ведь были уверены, что я поеду?

— Да, — чуть помедлив, ответил Романенко, — почти на все сто.

Дронго положил трубку. Последние слова Романенко его порадовали. И даже очень.

Москва. 10 мая

Все готово. Через сорок минут за ними заедет машина и они отправятся в аэропорт, где их уже ждут. Никто не должен знать, что они вылетают в Берлин. Обычный пассажирский самолет, совершающий рейс по

маршруту Москва—Берлин, уже через два часа доставит их в столицу Германии. Если все пройдет благополучно, он выступит в германском суде двенадцатого мая и на следующий день вернется в Москву.

Он посмотрел на себя в зеркало. Ему было под сорок. Мешки под глазами, почти седые усы, отекавшие ноги, выпирающий живот. Он вздохнул. Смотреть неприятно. Бывший офицер военной разведки Дмитрий Викторович Труфилов в свои сорок почти потерял форму: куда девалась его военная выправка, статная когда-то фигура? К тому же после контузии, полученной десять лет назад в Афганистане, у него постоянно болела голова и поднималось давление.

Бросил взгляд на кровать. Настя спала, чуть приоткрыв рот. Она всегда так спала, будто ей не хватало воздуха. Он осторожно сел на край постели. Так не хотелось уезжать, но ничего не поделаешь, приходится.

Собственно, это было главным условием сотрудников прокуратуры, расследующих хищения в нефтяных компаниях, с которыми Труфилов был связан. В бытность свою директором компании «ЛИК» он по договоренности передал контрольный пакет акций другим людям по смехотворной цене. К тому времени он уже знал, что нельзя отказываться от подобных сделок, когда к тебе обращаются с конкретным предложением. Таковы правила игры.

Все было ясно с самого начала. Его назначили генеральным директором компании с правом финансовой подписи исключительно для того, чтобы в конечном итоге он передал контрольный пакет акций другим людям. Все шло по плану. Самолет из Москвы не получил посадки в их городе. Радиogramмы не принимались, телефоны не работали. На аукционе был всего

один покупатель, который и приобрел контрольный пакет. Оцененный независимыми аудиторами в тридцать миллионов долларов, он был продан за шесть.

Тогда Труфилову казалось, что он поступил правильно. Однажды ему позвонил бывший коллега, начальник службы безопасности крупнейшей нефтяной компании страны. Полковник Олег Кочиевский считался лучшим специалистом в военной разведке и занял довольно высокий пост в компании «Роснефтегаз». Именно ему был обязан Труфилов своим назначением в компанию «ЛИК». Они вместе два года тайком скупали акции, чтобы получить контрольный пакет. И когда Кочиевский позвонил, Труфилов доложил о том, что через подставных лиц компания «ЛИК» почти полностью приватизирована. Оставалось передать ее надежным людям. Кочиевский был немногословен.

— К тебе приедут нужные люди. Прими их и сделай все так, как они скажут.

Труфилов знал, что возражать опасно и глупо и нужно следовать заранее продуманному плану. Но неожиданно выяснилось, что один из местных руководителей собирается протестовать. Более того, этот чиновник, оказавшийся человеком честным, даже отправил рапорт в Москву, возражая против передачи прибыльной компании группе неизвестных людей. Что было потом, лучше не вспоминать. В городе появился уголовный авторитет Чиряев со своими людьми. На следующий день чиновник, отправивший рапорт в Москву, должен был встречаться с Труфиловым. У самого Труфилова оказалось железное алиби. Но честный чиновник еще до встречи с ним получил пять выстрелов в голову и навсегда потерял возможность отстаивать права своих избирателей.

На аукционе Чиряев сидел в первом ряду. Труфилову было противно смотреть на него. Все вроде бы прошло гладко. Контрольный пакет ушел по цене гораздо ниже номинала. Потом начались неприятности. Прокуратура приступила к расследованию убийства местного чиновника. Чередой потянулись проверки в нефтяных компаниях. Постепенно раскручивая клубок, сотрудники прокуратуры, оказавшиеся дотошными и настойчивыми, сумели выйти на одного из главных организаторов сделки — заместителя министра Минтопэнерго Рашита Ахметова. После его ареста началась паника.

Через несколько дней был убит один из приближенных Ахметова — Силаков. Еще через несколько дней сбежал из Москвы Чиряев, который по чьей-то наводке был арестован в Берлине. Труфилов понял, что настал его черед. Несколько месяцев он скрывался у знакомых, но затем все-таки сбежал за рубеж с заранее купленным на чужую фамилию паспортом. В Париже он нашел Эжена Бланшо, с которым познакомился, еще когда работал в Польше. Они тогда нашли общий язык, поставляя друг другу нужную информацию. Такая практика устраивала обоих.

Бланшо поселил Труфилова в предместье Парижа в Жосиньи. Казалось, все шло нормально. Но пятнадцатого апреля его все-таки вычислили. Тогда в Жосиньи приехали двое. Один болезненного вида, который беспрерывно кашлял, второй высокий, широкоплечий, в смешной старомодной шляпе. Он и рассказал Труфилову обо всем, что произошло в Москве, пока Труфилова там не было.

Сбежавшего Чиряева нужно было вернуть. Но полковник Кочиевский не мог допустить подобного раз-